

УДК 316.48

DOI: 10.18413/2408-9338-2017-3-3-37-54

Мастикова Н. С.¹
Усачева О. А.²
Ермолаева Ю. В.³

ОСАЖДЕННЫЙ АЛЕППО КАК МОДЕЛЬ ГЛОБАЛЬНОЙ КРИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ

Институт социологии Российской академии наук,
ул. Кржижановского 24/35, корп. 5, Москва, 117218, Россия

¹⁾ *navor@bk.ru*

²⁾ *OlgaAUsacheva@yandex.ru*

³⁾ *mistelfrayard@mail.ru*

Аннотация. В данной статье, посвященной рассмотрению осаждённого города Алеппо как модели кризисной ситуации, авторы представляют результаты исследования, базу для которого составили открытые источники СМИ. Авторы исходят из того, что современная гибридная война в Сирии, характер которой определяется влиянием глобализации и означает всё более тесное взаимодействие между разнокачественными структурами и процессами, определяет проблемно-ориентированный подход к изучению кризисной ситуации. На примере Алеппо, проанализированы социально-экологическая, этно-религиозная и информационная составляющие докризисного состояния и в ситуации глобально-регионально-локального конфликта.

Критическая ситуация понимается как предельное напряжение биосоциальных систем в условиях городской войны, сопровождающееся снижением их устойчивости, повсеместным и ускоренным сокращением пригодного для жизни людей пространства, общим снижением социального и экологического капитала данного города.

В статье рассмотрены такие проявления, сопровождающие кризисную ситуацию, как разрушение систем жизнеобеспечения мирного населения с максимизацией поражающего метаболического эффекта, нарастание по мере развития кризиса рискогенного характера мусора, приводящее к разбалансировке экосистемы. Проанализирована структура военных отходов в осажденном городе, обоснован данными процесс снижения социально-культурного капитала как индикатора внутреннего экологического кризиса Алеппо. Показано, что этно-конфессиональный фактор служит инструментом разжигания вражды для достижения политических целей, как внутри страны, так и при участии внешних сил. Собраны и проанализированы сведения о потоках гуманитарной помощи жителям осаждённого города и её информационной составляющей.

Результаты проведённого исследования свидетельствуют о том, что современная гибридная война, одним из эпицентров которой является осаждённый Алеппо, ведётся в двух взаимопересекающихся пространствах: материальном и виртуальном, затрагивая все зоны осаждённого города, втягивая в конфликт, помимо непосредственных участников конфликта, глобальные и региональные противоборствующие силы, включая информационные среды.

Ключевые слова: Алеппо; гибридная война; глобализация; информационная война; критическая ситуация; социально-экологический метаболизм города; этнический военный конфликт.

Natalia S. Mastikova
Olga A. Usacheva
Yulia V. Ermolaeva

BESIEGED ALEPPO AS A MODEL OF GLOBAL CRITICAL SITUATION

Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences
bld. 5, 24/35 Krzhizhanovsky St., Moscow, 117218, Russia
navor@bk.ru
OlgaAUsacheva@yandex.ru
mistelfrayard@mail.ru

Abstract. In this article, devoted to the consideration of the besieged city of Aleppo as a model of a crisis situation, the authors present the results of a study based on open sources of the media. The authors proceed from the assumption that the modern hybrid war in Syria, whose nature is determined by the influence of globalization and means increasingly close interaction between different-quality structures and processes, determines a problem-oriented approach to the study of the crisis situation. On the example of Aleppo, the socio-ecological, ethno-religious and information components of the pre-crisis state and in the situation of a global-regional-local conflict are analyzed.

A critical situation is understood as the ultimate stress of biosocial systems in urban war conditions, accompanied by a decrease in their sustainability, a widespread and accelerated reduction in the living space, a general decline in the social and environmental capital of the city.

The article considers such manifestations accompanying the crisis situation as the destruction of the life support systems of the civilian population with the maximization of the damaging metabolic effect, the growth of the risk of the genus character of the garbage as the crisis develops, leading to the imbalance of the ecosystem. The structure of military wastes in the besieged city is analyzed, the process of reducing social and cultural capital as an indicator of the internal ecological crisis of Aleppo is justified. It is shown that the ethno-confessional factor serves as a tool for inciting hatred for achieving political goals, both within the country and with the participation of external forces. Collected and analyzed information about the flow of humanitarian aid to the inhabitants of the besieged city and its information component.

The results of the conducted research show that the modern hybrid war, one of the epicenters of which is the besieged Aleppo, is conducted in two mutually intersecting spaces: material and virtual, affecting all the zones of the besieged city, drawing into the conflict, in addition to the direct participants in the conflict, global and regional opposing force, including information environments.

Keywords: Aleppo; hybrid war; globalization; information war; critical situation; social and ecological metabolism of the city; ethnic military conflict.

Acknowledgements. Статья написана в рамках работы по проекту «Социология критических состояний городских систем: теория и практика», грант РГНФ № 15-03-000-27.

The article is written within the framework of the work on the project "Sociology of Critical States of Urban Systems: Theory and Practice", grant No. 15-03-000-27.

Введение (Introduction). *Современная война как всеохватывающий риск и критическая ситуация.*

Война является наиболее значимым социальным феноменом, формирующим мировую

историю (Malešević, 2011). Анализ А. Уиммера и Б. Мин 464 военных конфликтов последних 200 лет показал, что войны были наиболее значимым генератором социальных изменений, поскольку они способствовали трансформации пред-модерного мира империй, королевств, племенных конфедераций и городов-государств в современные национальные государства (Wimmer and Min 2009, 2006).

С приходом современности войны и насилия, связанное с ними, только масштабировались: в течение X-XI вв. в войнах погибли 60 тыс. человек, в XII-XIII вв. – 539 тыс., в следующие два столетия – более 7 млн., более 19 млн. в XIX в. и более 111 млн. только в XX

веке! (Malešević, 2010: 118-120; Eckhardt, 1992: 272-273). Деструктивный потенциал современности требует тщательного междисциплинарного анализа ситуаций насилия, хотя со времен II Мировой войны социологическое сообщество сознательно или несознательно стремилось этого избегать.

Геополитическая стабильность, институциональный консерватизм и относительное богатство времен Холодной войны сдвинуло фокус социологических исследований на более «пацифистские» темы: культуру и социализацию, социальную стратификацию, гендер, здоровье или образование. Турбулентные события конца XX – начала XXI вв. вновь способствовали теоретическому осмыслению военных конфликтов и переосмыслению социологического знания в рамках этой тематики.

Теоретический обзор (Theoretical review). Наиболее подробные объяснения войн с позиций экономической парадигмы раскрываются в моделях рациональных акторов и теории глобализации. С точки зрения моделей рациональных акторов, войны понимаются через призму экономических выгод и инструментальной рациональности индивидуальных мотивов к участию в насильственных конфликтах (Laitin, 2007; Kalyvas, 2006; Wintrobe, 2006; Fearon, 1995).

В теориях глобализации делаются акценты на структурных детерминантах, ответственных за воспроизводство социального неравенства, в отличие от идей инструментальной рациональности личной выгоды (Bauman, 2002, 2001, 1998; Kaldor, 2007, 2001; Sassen, 2006). Общий аргумент строится вокруг идеи о том, что в последние годы капитализм претерпел существенную трансформацию и таким образом подорвал силу и суверенитет отдельных государств.

С одной стороны, новая неолиберальная политика приватизации и дерегулирования сделала капиталистические предприятия более изолированными от государства и, следовательно, более глобальными. С другой стороны, впечатляющие технологические достижения радикально трансформировали связь, транспорт и обмен товаров, услуг и людей, сделав глобальную торговлю эффективной и

безусловной. В этом новом глобализованном мире география стала историей, и характер войны изменился. По идее Баумана (Bauman, 2002) и Калдора (Kaldor, 2001) глобализация порождает новые войны, многие из которых являются прямыми средствами экономической политики. Мыслители утверждают, что глобальная неолиберальная политика дает привилегии транснациональным корпорациям и одновременно разрушает государственную власть. Следовательно, войны ведутся за дефицитные ресурсы, такие как нефть, газ и другие ценные твердые полезные ископаемые, благодаря которым крупные частные корпорации напрямую влияют на военные цели крупных государств и извлекают выгоду из монополистических контрактов (например, войны в Ираке) или могут быстро получить прибыль.

Экономические подходы вносят большой вклад в лучшее понимание роли материальных ресурсов в военных действиях. Многие войны связаны с конфликтом по скудным ресурсам, без которых было бы трудно поддерживать крупные субъекты, такие как государства. Несомненно, экономика является важным фактором войн, но война не может быть сведена к простой максимизации прибыли или ресурсов. Причины многих военных конфликтов обнаруживались вне экономики: это и геополитическое первенство, идеологические столкновения, дилеммы безопасности, улучшение статуса, династические требования, территориальные споры, и даже личная враждебность правителей (Mann, 1986, 1993; Malešević, 2008).

Глобализация определяет характер современных войн. О. Н. Яницкий проанализировал работы специалистов в области военных наук, истории, политологии, международных отношений, а также заметки публицистов, медиков, гражданских экспертов и волонтеров, и сделал вывод о необходимости междисциплинарного подхода к изучению современных войн, поскольку «все малые и большие (неядерные) военные конфликты последнего десятилетия возникали и протекали не по классическим схемам военной науки и/или социальной конфликтологии. Современные войны,

как бы их не называли, в основе имеют локально-глобальный характер и охватывают в равной мере все стороны общества» (Яницкий, 2015: 156).

О. Н. Яницкий понимает современную войну как всеохватывающий риск, изменяющий сложившийся социальный порядок посредством внешнего давления (через медиа, экономические санкции, формирование мирового общественного мнения) и внутренних процессов вроде конструирования массовых беспорядков, «цветных революций», дезинформации, диверсий и т. д. Постепенно социально-политический и экономический кризис, порожденный военными действиями, перерастает в критическую ситуацию (Yanitsky, 2014). Ее специфика проявляется в разрушении сложившихся социальных институтов и выделении энергии распада (бегство капитала, закрытие предприятий, массовая безработица, появление потоков беженцев и вынужденных переселенцев). Поэтому наиболее адекватным инструментом для анализа современных войн является концепция общества всеобщего риска, поскольку эти войны затрагивают и структурно-функциональную организацию общества, и его ценностно-идеологическую основу. И у них нет никаких пространственных, социально-функциональных, экологических, этнических и других ограничений.

Современная война характеризуется отсутствием четкой грани между тылом и фронтом. Она имеет технологическую основу: от инструментов дестабилизации внутри страны-мишени посредством «цветных революций», информационных войн до традиционного разрушения критически важных инфраструктурных объектов, обеспечивающих жизнедеятельность населения и боеспособность противника и военного удара по территории страны. На смену «фронтальным столкновениям» пришли дисперсные, то есть борьба мелких, мобильных и хорошо экипированных групп как вариант партизанской войны.

Как показывает О. Н. Яницкий, «критические ситуации (точки, зоны) – это человеческие поселения, экологические системы и другие экосоциальные системы, находящиеся на грани распада, сохраняются. Их отличительный при-

знак – выделение энергии распада в виде потоков беженцев, вынужденных переселенцев, разрушения важнейших систем жизнеобеспечения и т. д» (Яницкий, 2014).

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Перед авторами данной статьи стоит непростая задача – описать современную войну как критический случай через рассмотрение одного из центров конфликта – города Алеппо. Алеппо является наглядным примером современной критической ситуации, имеющей множество измерений: этно-конфессиональное, социально-экологическое, гуманитарное, информационно-коммуникационное. Мы попытались рассмотреть первостепенные и фоновые причины сложившейся критической ситуации, а также ее течение и последствия на разных уровнях.

Докризисное состояние, этно-религиозный и внешний контекст критической ситуации в Алеппо.

В Сирийском конфликте город Алеппо является одним из очагов острого противостояния. Расположенный на севере Сирии город находится вблизи турецкой границы, на пересечении важнейших транспортных сетей и, поэтому, находится в фокусе интересов самых различных этнических групп и входит в зону политических интересов нескольких государств. В течение десятков лет до появления ИГИЛ в Сирии мирно сосуществовали многие этнические группы и конфессии. Период относительно мирного сосуществования закончился, когда на Ближнем Востоке прокатилась волна цветных революций. Помимо экономических причин, таких как засуха, породившая обнищание сельского населения, весомым фактором влияния оказались внешние вмешательства заинтересованных государств. В СМИ можно встретить свидетельства о том, что потоки вооружения поступают оппозиционным войскам через Саудовскую Аравию и Турцию. «В качестве одного из крупных перевалочных пунктов при перевозке оружия выступал Азербайджан. Перевозка осуществлялась на гражданских самолетах с особым дипломатическим статусом, что

позволяло избегать проверок перевозимых грузов, соблюдая режим секретности»¹. Источники включают документы «по транспортировке оружия оплаченного Турцией и Саудовской Аравией для военного переворота в Буркина-Фасо. Часть оружия была обнаружена в Алеппо и Хаме» [там же].

Анализируя источники СМИ, интервью с экспертами², мы проследим влияние этно-религиозного фактора в Сирийской гражданской войне.

Сирию можно назвать полиэтничной страной, этнический состав которой представлен такими народами как черкесы, армяне, курды и пр., подавляющим большинством все же являются арабы (около 90% населения)³. Сирия очень разнообразна в ответвлениях основной конфессии. Это исламская страна, внутри которой сам ислам делится на суннитов и шиитов. Раскол между этими двумя религиозными течениями произошел очень давно, после смерти пророка Мухаммеда. Причиной раскола считается вопрос наследования титула халифа. Шииты считали, что он должен передаваться по наследству одному из потомков пророка Мухаммеда, сунниты же считали, что титул должен достаться «четырем праведным халифам, входившим в окружение пророка» (Багдасаров, 2016: 13). В результате сложившихся противоречий между суннитами и шиитами, на протяжении истории то и дело возникал конфликт, который перерастал в военное столкновение. С течением времени в каждом из направлений сложились новые религиозные практики, ответвления, секты, которых на сегодняшний день достаточно много. Большинство населения Сирии представляют сунниты (68,4%), шииты составляют 3,2%. Среди шиитов следует выделить алавитов (11,3%), которые были признаны мусульманами-шиитами только в 1973 году, в результате действий Хафеза Асада, отца нынешнего президента Башара Асада. Хафез Асад был

алавитом. Придя к власти при помощи переворота, он обнаружил, что по закону в этой стране президентом должен быть только мусульманин, поэтому он предпринял большие усилия по убеждению шейхов алавитов и шиитов в объединении течений. Отношение к этому объединению по сей день неоднозначное внутри каждого из течений, и, хотя по содержанию эти течения совершенно разные и объединение их произошло по политическим причинам, мы будем исходить из того, что формально алавиты являются ответвлением шиизма. Таким образом, политическую элиту страны составляет конфессиональное меньшинство. Это и создало ситуацию религиозных противоречий, которой воспользовались внешние силы для разжигания военного конфликта.

Формальным поводом для начала конфликта послужил запрет Асадом протестов оппозиции 2011 года, который спровоцировал вспышку религиозной вражды не только в самой Сирии, но и в регионе. Ситуация иллюстрирует тезис Джонатана Фокса (Fox, 2002), о том, что конфликты, в основе которых лежит нерелигиозная мотивация, могут перерасти в религиозные конфликты, если группа, выражающая недовольство, к требованиям светского характера, добавит религиозные требования.

В ходе гражданской войны в Сирии, с 2012 года начались бои за контроль над стратегически важным городом Алеппо. Значимость этого города обусловлена тем, что именно в этом регионе существует развитая сеть дорог. Подконтрольность этого региона террористам превратила бы Алеппо в базу, обеспечивающую террористическую сеть всем необходимым.

Большинство населения Алеппо составляют арабы, этнические меньшинства представлены курдами, цыганами, арамейцами, турками, туркменами, армянами (Молхем,

¹ Colonelcassad: поставка оружия для ИГ через Азербайджан. Военно-промышленный курьер. 2017. 4 июл. URL: <http://vpk-news.ru/news/37636> (дата обращения: 17.07.2017).

² Военные эксперты, востоковеды, политологи, арабисты.

³ Сунниты, аллавиты и все-все-все: религиозная карта войны в Сирии. RUPOSTERS.2016. 16 окт. URL: <https://ruposters.ru/news/16-10-2015/sunnity-alavity-vsevseve> (дата обращения: 17.07.2017).

2017). Курды и арамейцы преобладают в этнических меньшинствах Алеппо.

Кроме того, с точки зрения религиозного разнообразия, Алеппо представляет собой одну

из двух зон (вторая – Дамаск), в котором представлены все возможные религиозные течения и этнические группы Сирии (рисунок).

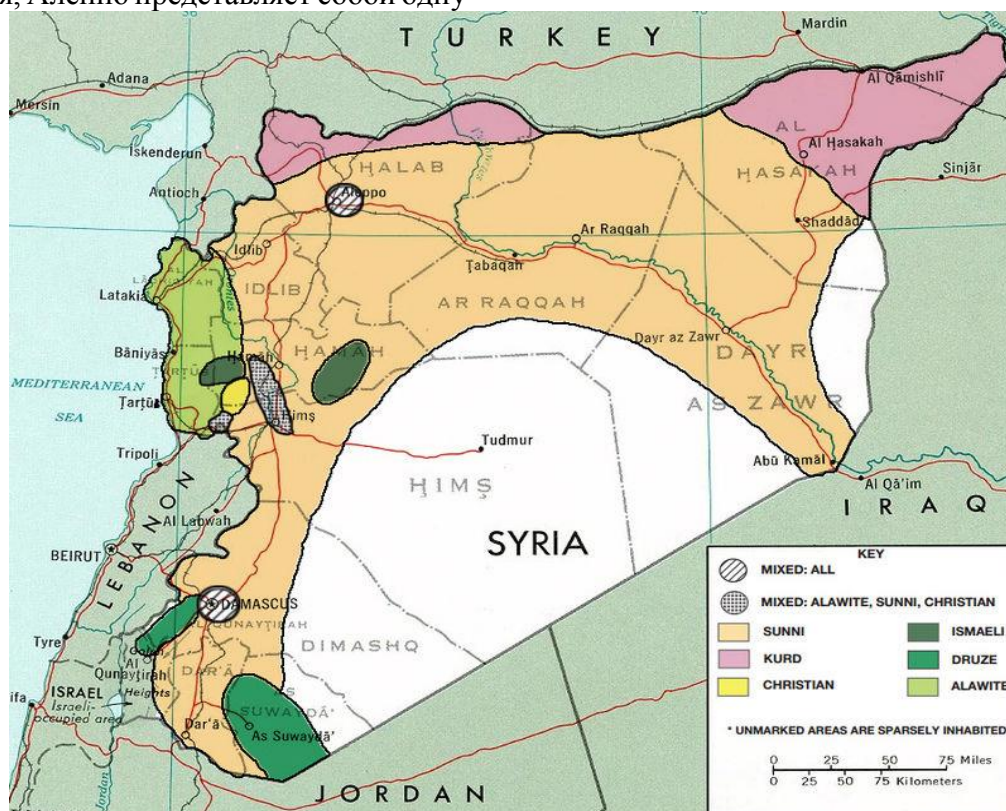

Рис. Этно-религиозная карта Сирии
Fig. Ethno-religious map of Syria

Правительственным силам в Алеппо противостоят группировки «Джебхат-Ан-Нусра», «Ахрар-Аш-Шам», и «Нуратдин-Аз-Зинки» и др., которые в одних источниках называются террористическими группировками, в других относятся к умеренной оппозиции, а, в крайнем варианте, названы повстанцами. Этим группировкам не важен этнический состав, они воюют против всех, кто не разделяет их религиозные убеждения.

Военный конфликт, имеющий в основе религиозные противоречия на начальном этапе, перерос в масштабную гражданскую войну, где религиозный фактор уже не является ведущим. Его место заняло стремление внешних сил и оппозиции сместить законную власть силовым путем.

Затяжной характер гражданской войны в Сирии обусловлен манипуляциями США, стремящихся к поддержанию нестабильности

на Ближнем Востоке и ослаблению экономически благополучных арабских государств. Эти страны имеют значительные природные ресурсы, экономический и человеческий капитал и, опираясь на исламские традиции, эффективно управляют своими ресурсами, составляя конкуренцию экономически развитым странам, интернируясь в мировые рынки, что не устраивает США, которые поддерживают все основные группировки вооруженной оппозиции, регулируя ход войны с помощью изменения интенсивности поставок оружия. Умело срамливая суннитов и шиитов, США втягивает в ближневосточные боевые действия Иран, Турцию и другие страны региона.

Изучению влияния этно-религиозного фактора в конфликтах, посвящены исследования Джонатана Фокса (Fox, 2000), в результате которого, автор приходит к выводу, что

фактор религиозный в конфликтах более значим на Ближнем Востоке, чем в остальном мире.

Автор приводит два возможных объяснения важности религии на Ближнем Востоке: первый заключается в том, что Ближней Восток является наиболее автократичным регионом мира. Объясняя важность религии в этнических конфликтах на Ближнем Востоке, Фокс предполагает, что это может быть связано с уникальной культурой и историей этого региона, при этом автор указывает на то, что подобные переменные не были включены в исследование, вследствие сложности их операционализации (Фокс, 2004).

По мнению Б. Долгова, к созданию ИГИЛ причастны государства Запада и Соединенные Штаты, поддерживающие все исламистские группировки, выступавшие против Асада, для того, чтобы «руками радикальных исламистов убрать неугодный режим»¹. Террористов поддерживают не напрямую, а через различные неправительственные фонды, подставные фирмы.

В развитии критической ситуации в Алеппо велика роль Турции, на раннем этапе военных действий, Турция фактически нарушила суверенитет Сирии, введя войска и поддерживая боевиков из Свободной сирийской армии².

Критическая ситуация в Алеппо усугубляется в «результате того, что боевики имеют какую-то постоянную поддержку, в том числе финансовую» [там же]. Эта позиция объясняется тем, что Анкара не заинтересована в том, «чтобы курды создали на турецкой границе свою автономию и объединились с иракскими братьями, создав мощный очаг напряжения»³,

поэтому Турция заинтересована в дестабилизации ситуации в регионе Алеппо. В настоящий момент Турция поменяла свою позицию: «турки, еще недавние пособники терроризма в одночасье стали близкими партнерами по сирийской проблеме. Нужно отметить, что курды «не представляют собой единый этнический, религиозный и даже политический монолит. Среди них есть христиане, мусульмане, язычники и даже иудеи. Иранские курды этнически отличаются от иракских и турецких, так как подвержены персидскому влиянию» [там же], однако курды объединены единой амбициозной целью – созданием курдского государства. Благодаря действиям российской армии, внешней политике, проводимой Россией в этом регионе, Турция, Россия и Иран – подписали соглашение о создании «зон деэскалации» в Сирии⁴. И теперь Россия и Турция выступают гарантами предотвращения нарушения режима огня в Алеппо»⁵.

Ситуация усугубляется и тем, что военный конфликт поддерживается еще и информационной составляющей. ИГИЛ существует в информационном пространстве, постоянно ведя вербовку людей во всех странах мира. Кроме того, ряды боевиков постоянно пополняются, потерпевшие поражение отряды имеют возможность «раствориться» на территории близлежащих государств, и, получив финансовую поддержку и оружие, опять собраться для новых военных действий.

Рассматриваемая нами критическая ситуация помимо этнической основы и глобального информационного контекста имеет социально-экологический негативный фон. Любая война является биосферной, поскольку имеет

¹Куда уходят террористы: Борис Долгов о тактике выдвливания в Сирии. Институт Востоковедения РАН. 2016. URL: <http://ivran.ru/ivran-v-smi?artid=5933> (дата обращения: 17.07.2017).

²Минное поле сотрудничества. Военно-промышленный курьер. 2017. 3 мая. URL: <http://vpk-news.ru/articles/36546> (дата обращения: 17.07.2017).

³США используют курдов как дубинку против Башара Асада. Русская народная линия: информационно-аналитическая служба. 2016. 8 июня. URL: http://ruskline.ru/news_rl/2016/06/08/ssha_ispolzuet_kurd

[ov_kak_dubinku_protiv_bashara_asada/](http://ruskline.ru/news_rl/2016/06/08/ssha_ispolzuet_kurd_ov_kak_dubinku_protiv_bashara_asada/) (дата обращения: 17.07.2017).

⁴Россия и США разделят Сирию по Евфрату. Русская народная линия: информационно-аналитическая служба. 2017. 6 июля. URL: http://ruskline.ru/opp/2017/iyul/06/rossiya_i_sshha_razdelyat_siriyu_po_evfratu (дата обращения: 17.07.2017).

⁵Алеппо и кремлевские стратегические ошибки. Центр Сулакшина (центр научной политической мысли и идеологии). 2016. URL: <http://rusrand.ru/analytics/aleppo-i-kremlevskie-strategicheskie-oshibki> (дата обращения: 17.07.2017).

тенденцию к изменению качественного характера экосистем вследствие множества повреждений геосферы (Yanitsky, 2014). Особенно опасно влияние ядерного, термоядерного, химического и биогенного оружия, имеющего климатические, техносферные, геофизические и биологические последствия, поскольку изменяет множество жизненно важных геохимических циклов на планетарном уровне.

Антропогенное воздействие, обусловленное военными действиями, не регламентировано и нарушает привычный порядок (Антонов, 2015). Критическая ситуация меняет «нормальный метаболизм» города на форсированный, истощая все накопленные ресурсы.

Рассмотрим положение Алеппо с точки зрения наличия ресурсов. Горная цепь Ансария разделяет страну на влажную западную часть и засушливую восточную. Плодородная прибрежная равнина расположена на северо-западе Сирии и простирается на 130 км с севера на юг вдоль берега Средиземного моря от турецкой до ливанской границы. Здесь сосредоточено практически всё сельское хозяйство страны. Большая же часть сирийской территории расположена на засушливом плато, испещрённом горными цепями Дажабль-ар-Рувак, Дажабль-Абу-Руджмайн и Дажабль-Бишри. Только треть территории Сирии может быть пригодна для сельского хозяйства. На долю сельского хозяйства (50% населения) приходится около 30% национального дохода и 17% поступлений от экспорта (хлопок, продукты животноводства, овощи и фрукты). На государственном секторе, который сохранял в экономике ведущую роль (70% основных средств производства), приходится около половины национального дохода и примерно 75% стоимости промышленной продукции. Государство контролирует сферу финансов, энергетику, транспорт. В рамках провозглашенного сирийским руководством курса на постепенную либерализацию и модернизацию экономики взята линия на предоставление

предприятиям госсектора большей хозяйственной самостоятельности, в частности, права выхода на внешний рынок, привлечение иностранных инвестиций (Министерство..., 1993: 12).

До начала в Сирии гражданской войны в 2011 г. экономическая ситуация в стране, несмотря на последствия глобального кризиса, в целом оставалась довольно устойчивой, чему способствовала ресурсная, в том числе продовольственная, обеспеченность⁶.

Рассмотрим предпосылки сложившейся критической ситуации сквозь несколько этапов развития страны:

1. *Формирование предпосылок к критической ситуации в изначальной «нормальной» среде города. (1960-е гг.)*. Напомним, что на влажной западной части страны сосредоточено сельское хозяйство, которое является традиционным занятием для большей части населения и на котором строится ее внутренняя и внешняя экономика. Но политическая программа Хафеза Асада предполагала увеличение распаханых площадей, перенос воды из других источников, неправильную постройку плотин, увеличивающую потери воды.

2. *Скрытая ресурсная недостаточность как предкритическое состояние*. С 1980 года начались процессы опустынивания, обозначились проблемы с наличием пресной воды. Распахивались как новые земли, таи лесные территории, началась культивация водолубивого хлопка, доступная вода бралась из Евфрата. Турция начала строить плотину имени Ататюрка, одну из 22-х плотин на Тигре и Евфрате, реках, берущих начало в Турции, протекающих по территории Сирии и Ирака и впадающих в Персидский залив (Никишин, 2016). Вследствие особенностей постройки половина воды Евфрата, попадавшей в Сирию, стала оставаться в Турции. В 1990 гг. уровень грунтовых вод падает. Новой программы по улучшению экологической и экономической ситуации не появляется. Однако

⁶Послевоенное восстановление Сирии – приоритет России и амбиции других игроков. 23.02.2017. URL: <https://riafan.ru/629548-poslevoennoe-vosstanovlenie->

sirii-prioritet-rossii-i-ambicii-drugih-igrokov (дата обращения: 17.07.2017).

развиваются нефтяные сектора, электроэнергетическая, газодобывающая отрасль, добыча фосфатов, пищевая, текстильная, химическая (производство удобрений, пластмасс), электротехническая. Все эти отрасли являются водоемкими. Отсутствуют экологические мероприятия по снижению загрязнений вследствие хозяйственной и промышленной деятельности. Нефтяные разработки Сирии интересуют и другие государства, но поскольку сирийские власти не могут контролировать весь рынок, множество ресурсов нефтяных месторождения уже в настоящее время нелегально эксплуатируются ИГИЛ (запрещенная организация в России). Вследствие недостаточной технической оснащенностью для правильной добычи нефти, возникает локальное количество разливов нефтепродуктов, негативно отражающиеся на состоянии природной среды (Тамри, 2015).

3. *Формирование ресурсного конфликта и инвайронментального неравенства (2008-2011 гг.)*. Если в 1970-х гг. в сельском хозяйстве были заняты около двух третей работников, то в 2000-х гг. их доля упала ниже четверти. Миллионы (из общей численности примерно в 20 миллионов человек) мигрировали в города. В 2011 г. вспышкой демонстраций недовольных проявился первый видимый кризис, который вывел из тени межэтнические и социальные разногласия, хотя причин конфликта было множество, в том числе и связанных с инвайронментальным неравенством по отношению к обращению с ресурсами. По-прежнему не учитывался важный доступ к водным объектам, от которых зависело благосостояние страны и экономики. В течение нескольких засушливых лет зерно и пропитание начинают импортировать, поднимается массовая волна миграции в города.

Осажденный Алеппо – модель критической ситуации.

Как показал О.Н. Яницкий, раскрывая качественную модель осажденного города, «критические города суть многосторонние узлы взаимодействия самых разных процессов и сил, которые связаны между собой столь же сложными метаболическими процессами» (Яницкий, 2017: 137). Мы предприняли попытку используя открытые информационные источники выделить далеко неисчерпывающие проявления критической ситуации в Алеппо и проанализировать доступную информацию.

1. *Снижение социокультурного капитала и резкое ухудшение условий жизни населения.*

Рассматриваемый нами город Алеппо является одним из самых древних постоянно населенных городов мира, имеющим богатое культурное наследие. Исторический центр города, входящий в список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО, получил серьезные повреждения. Более половины зданий города было разрушено. Многочисленные фотографии кварталов Алеппо, транслируемые СМИ, свидетельствуют о сильных разрушения в городе.

Конфликт в Сирии длится около 6 лет. Постепенно в него включалось все больше сторон, но самые большие тяготы несут несомненно граждане Сирии. 85% сирийцев, по данным ОСНА (UN Office for the Coordination of Humanitarian Affairs), живут в бедности⁷. 13,5 млн нуждаются в гуманитарной помощи, 5 млн сирийцев – беженцы, 6,3 млн – перемещены внутри страны. Большинство сирийских беженцев остаются на Ближнем Востоке – в Турции, Ливане, Иордании, Ираке и Египте – странах, участвующих в реализации Плана гуманитарного реагирования⁸, но около 10% бежали в Европу⁹.

⁷Syria suffering in numbers, 16.12.2016. URL: http://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/Syria's_%20Suffering_in_Numbers_161209.pdf (дата обращения: 17.07.2017).

⁸Humanitarian Response Plan for Syria. 04.02.2016. URL: <http://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/2016>

_hrp_3rp_chapeau_syria_final_hi_res.pdf (дата обращения: 17.07.2017).

⁹Syria refugee crisis: Facts you need to know. URL: <https://www.worldvision.org/refugees-news-stories/syria-refugee-crisis-war-facts> (дата обращения: 17.07.2017).

Население Сирии сократилось на 15% с 20,87 млн человек в 2010 г. до 17,65 млн человек в конце прошлого года¹⁰.

В настоящий момент Сирия стала вторым крупнейшим государством по количеству беженцев после Палестины: 3,33 млн человек были вынуждены бежать в другие страны, 1,55 млн сирийцев уехали из Сирии, 6,8 млн человек уехали из дома, но остались в Сирии [там же].

В отчете программы развития ООН и Агентства ООН для помощи палестинским беженцам, отмечается, что число убитых в конфликте серьезно выросло до 210 тыс. Вместе с 840 тыс. раненых это составляет 6% населения Сирии, убитого или раненого во время конфликта. «Конфликт привел к ужасающему сокращению продолжительности жизни с 75,9 лет в 2010 г. до 55,7 лет в конце 2014 г., то есть на 27%», – отмечается в отчете.

Согласно данным ООН, в 2016 году более половины населения страны – 13,5 млн человек (из 17,8 млн населения), включая 6,5 млн детей, – нуждаются в гуманитарной помощи. 11,5 млн человек необходима медицинская помощь. У 12,1 миллиона отсутствует доступ к чистой питьевой воде.

Наблюдается социальная эксклюзия, то есть исключение социальных групп из обычных условий существования. В процессе развития конфликта формируются группы, включенные в новую реальность, и исключенные из нее. Поскольку в некоторых регионах засуха привела к гибели урожая на 75%, а поголовья скота на 85%, это повлияло на жизнь 1,3 млн человек, в числе которых были фермеры, составлявшие центральное звено в обеспечении продовольствием страны. Ещё в 2009 году ООН и Красный Крест сообщали, что в

результате засухи потеряли средства к существованию около 800 тысяч человек. А в 2010, согласно оценке ООН, на грани голода оказались миллион человек¹¹.

По заявлению исполняющего обязанности гуманитарного координатора ООН в Сирии Саджада Малика, численность населения Алеппо за время конфликта сократилась более чем в 2,5 раза – с 4 млн до 1,5 млн человек¹².

2. Недостаточность ресурсов и разрушение системы жизнеобеспечения.

Ресурсные проблемы обострились с началом военного конфликта. За годы военного конфликта Сирия превратилась в бедную страну, 30% населения вынуждено жить в состоянии крайней нищеты. Если бы правительство в 60-е гг. продумало как построить интересы фермеров в водную программу распределения ресурсов, учитывая реальные климатические условия, и наличия абиотических ресурсов, ситуация могла бы развиваться иначе¹³. Покупательная способность внутри страны упала, а в затронутых боевыми действиями районах, в частности в Алеппо, где был сконцентрирован промышленный потенциал страны, люди голодали, не имели доступа к медицинской помощи, медикаментам и самому необходимому¹⁴.

В результате бомбардировки Алеппо и реакции на них вооруженной оппозиции привели к тому, что без воды осталось почти два миллиона жителей. На востоке Алеппо повреждена водонасосная станция Баб-ан-Найраб, снабжавшая водой около 250 тысяч человек. Из-за продолжающихся боевых действий ремонтные бригады не могли добраться до станции. Была отключена станция Сулейман аль-Халаби, снабжавшая водой около 1,5 млн жителей западной части города, контролируемой

¹⁰Центральное статистическое бюро Сирии, 2015. URL: <http://www.cbssyr.sy/index-EN.htm> (дата обращения: 17.07.2017).

¹¹Война в Сирии: ужасающие экономические последствия. 12.03.2015. URL: <http://www.vestifinance.ru/articles/54429> (дата обращения: 17.07.2017).

¹²ООН: численность населения Алеппо за время конфликта сократилась в 2,5 раза. 05.01.2017. URL:

<https://news.tut.by/world/526346.html> (дата обращения: 17.07.2017).

¹³Программа развития ООН. URL: <http://www.undp.org/> (дата обращения: 17.07.2017).

¹⁴Послевоенное восстановление Сирии – приоритет России и амбиции других игроков. 23.02.2017. URL: <https://riafan.ru/629548-poslevoennoe-vosstanovlenie-sirii-prioritet-rossii-i-ambicii-drugih-igrokov> (дата обращения: 17.07.2017).

правительственными войсками. К 2015 г. количество воды, хранящейся в водохранилищах в сирийском бассейне Ярмук, сократилось примерно на 50%, также сократились агрокультуры.

3. *Нарастание рискогенного характера военных отходов.*

Отходами в широком смысле можно назвать все те вещества, которые несут какой-либо ущерб для окружающей среды и живых существ. Они могут послужить причиной разрушения хозяйственной инфраструктуры города. А если говорить о военном положении, то добавляется новая категория опасных отходов – военные отходы. Они бывают радиационно-опасные, химически опасные, взрыво- и пожароопасные. Военная ситуация существенно «ускоряет» метаболизм города, вводя новые материальные потоки и нарушая природные циклы, заставляя реагировать на вызовы критической ситуации с максимальной скоростью, доставляя ресурсы в точки, где наносится наибольший урон. Порядок распределения ресурсов нарушается, вводятся новые не перерабатываемые потоки отходов, в дополнение к существующим проблемам с водоснабжением.

При ведении военных действий образуется гораздо большее количество отходов, оказывающих влияние на окружающую среду, инфраструктуру города, вызывая дополнительные социальные эффекты, где инвайтронментальное неравенство провоцирует новые виды социального неравенства и появление эксклюзивных групп. Правительство занимается непосредственно обеспечением выживаемости оставшейся части населения, организуя медицинскую и гуманитарную помощь, однако не уделяет внимания предупреждению загрязнений и формированию слаженной си-

стемной модели утилизации отходов и экологически ответственного производства, как в нормальных, так и в критических состояниях.

Рискогенность военных отходов усугубляется применением боевиками химического оружия при обстреле Алеппо, по свидетельствам СМИ, в марте 2013 г. и в октябре 2016 г.¹⁵ По словам генерал-майора И. Конашенкова, в 2016 г. военные ВС России нашли в одном из районов города неразорвавшиеся артиллерийские боеприпасы с химическими веществами, а также взяли пробы грунта в месте их применения. Лабораторный анализ показал, что отправляющими веществами с высокой вероятностью являлись хлор, зарин и белый фосфор¹⁶.

Критическая ситуация в освобожденном городе усугубляется наличием мин в жилых районах. По данным СМИ, с 5 декабря 2016 г. в Алеппо работали профессиональные саперы из Международного противоминного центра ВС РФ¹⁷. К концу декабря они разминировали 966 гектаров земли в восточном Алеппо. «От взрывоопасных предметов очищено около 350 километров автодорог и 2149 зданий (из них 111 социально значимых), в том числе 44 школы, 38 мечетей, десять больниц и поликлиник, два детских сада, три водозаборные станции, две электростанции, одна водоочистная станция и один хлебозавод», – говорится в сообщении центра по примирению враждующих сторон в Сирии.

Российские инженеры разминировали в Алеппо более чем 36 тысяч опасных предметов. В Алеппо сначала освобождались социально и стратегически значимые объекты, и подвалы зданий от мин. Боеприпасы вывозятся на безопасное расстояние от населенных территорий и подрываются в результате их подрыва, по оценке специалистов, в атмо-

¹⁵Боевики применили химическое оружие в районе сирийской провинции Алеппо, погибли 15 человек. 19.03.2017. ТАСС. URL: <http://tass.ru/archivethemes/585878> (дата обращения: 17.07.2017); Химическая реакция на «гуманитарные паузы». 30.10.2016. Газета.ru. URL: <https://www.gazeta.ru/army/2016/10/30/10293473.shtml> (дата обращения: 17.07.2017).

¹⁶Химическая реакция на «гуманитарные паузы». 30.10.2016. Газета.ru. URL: <https://www.gazeta.ru/army/2016/10/30/10293473.shtml> (дата обращения: 17.07.2017).

¹⁷Алеппо после войны: как разминируют древний город. 29.12.2016. URL: https://tvzvezda.ru/news/vstrane_i_mire/content/201612290935-fgmn.htm (дата обращения: 17.07.2017).

сферу выделяются канцерогенные и токсические вещества, содержание кислорода в воздухе снизится на территории порядка сотни тысяч км, что способствует кумуляции парникового эффекта (Акулин, 2006).

Военные отходы в населенном городе требуют безотлагательного разминирования и утилизации. Под утилизацией военных отходов понимают комплекс мероприятий и технологических процессов, которые способствуют переводу образца вооружения в небоеспособное состояние (демилитаризация) или приданию ему дополнительных функций путем доработки (диверсификации), или переработке образцов с целью иного, достаточно эффективного использования в интересах экономики или обороны страны.

4. Этно-религиозная составляющая критической ситуации.

Анализ развития критической ситуации в Алеппо позволяет сделать вывод о том, что значимость этно-религиозного фактора падает. Об этом свидетельствуют многочисленные интервью участников боев, которые находятся в открытом доступе: «Я христианин, – говорит мне старший сержант на посту, целяя нагрудный крест. – А вот он – мой друг – суннит. А вот этот – шиит. И мы все вместе защищаем нашу страну от сумасшедших фанатиков»¹⁸.

Исследование экспертных интервью показывает, что «теперь Алеппо готовы защищать не только правительственные войска, но и обычные его жители. И явление это носит массовый характер. На оборону города готовы встать как единичные добровольцы, так и люди, имеющие влияние в городе, такие, за которыми пойдут сотни и тысячи горожан»¹⁹. (опять: это все метаморфозы войны) Примером такого участия является лидер народного ополчения – известный бизнесмен, который

занимается благотворительностью, готов собрать до 6 000 человек, но ему требуется поддержка руководства Сирийской Арабской Армии для их вооружения. В Алеппо есть люди, способные повести за собой народное ополчение и встать на защиту города. «Необходимо лишь организовать взаимодействия между такими отрядами, обеспечить их оружием, снаряжением и боеприпасами и грамотно организовать оборону кварталов, что вполне осуществимо при поддержке правительственных войск Сирии» [там же].

Длительное «сжатие» мирного населения в осажденном городе (с применением насилия) элиминирует этно-конфессиональные и иные различия, заставляя этих людей думать только о выживании. Для страдающего от тягот войны населения города, испытывающего жесточайший недостаток элементарных ресурсов для удовлетворения базовых потребностей, религиозные противоречия теряют свою актуальность в борьбе за существование. О состоянии населения Алеппо можно судить по интервью освобожденных жителей Алеппо: (этот факт – очень важен, но он показывает, что жизнь – главное!).

«У нас не было ни еды, ни лекарств. А боевики жили очень даже благополучно. Они перепродавали нам продукты втридорога», – рассказывает Сафа Диб.

«Вещи, деньги, квартира – это все неважно. Самое главное – жизнь. Моему сыну было 9 лет. Он вышел с моей женой за продуктами. Боевики обстреляли рынок – и мой мальчик погиб», – рассказывает Ахмад Аль-Иса²⁰.

5. Гуманитарные аспекты критической ситуации в Алеппо.

Как отмечает О. Н. Яницкий население осажденного города практически не имело ресурсных или информационных связей с внеш-

¹⁸Пять причин войны в Сирии: взгляд из Дамаска. Комсомольская правда. 2013. 12 сен. URL: <http://www.kp.ru/daily/26132.3/3023082/> (дата обращения: 17.07.2017).

¹⁹Алеппо снова под бомбами после провала перемирия, обещанного Россией и США. 2016. 24 сен. URL: http://inosmi.ru/country_syria/20160924/237912923.html (дата обращения: 17.07.2017).

²⁰Рассказы местных жителей из освобожденных кварталов Алеппо разоблачают миф об умеренной оппозиции. Первый канал. 2016. 4 окт. URL: http://www.1tv.ru/news/2016-12-04/315388-rasskazy_mestnyh_zhiteley_iz_osvobodzhennykh_kvartalov_aleppo_razoblachayut_mif_ob_umerennoy_oppozitsii (дата обращения: 17.07.2017).

ним миром (Яницкий, 2017: 138). Ограниченный гуманитарный доступ в сочетании с ограничениями на свободное передвижение гражданских лиц, включая детей, повлиял на доступ населения к основным товарам (продовольствие, чистая вода, медикаменты), и услугам (здравоохранение, образование, водоснабжение). Самостоятельно население осажденного города было не в состоянии обеспечить себя всеми необходимыми благами и наладить реабилитационные процессы. Во многом выживание мирного населения в критической ситуации обеспечивается за счет гуманитарной помощи.

Во время осады гражданская инфраструктура города (школы, больницы, станции водоснабжения) подвергалась атакам, доставка гуманитарной помощи была нестабильна. Потoki гуманитарной помощи населению шли из разных источников: как от акторов, находящихся внутри страны, так и от международных организаций и отдельных стран. Можно выделить как минимум 12 акторов, оказывающих помощь Алеппо, среди которых международные организации, российские гуманитарные организации, сирийские местные организации (*grassroots organizations*) и другие.

Усилия всех этих акторов условно можно отнести к реализации плана гуманитарного реагирования на критическую ситуацию. Этот план охватывает мероприятия по оказанию помощи разным группам сирийских граждан: (1) беженцам, оказавшимся в лагерях в Турции, Ливане, Ираке, Иордании, Египте и в других местах, (2) перемещенным внутри страны гражданам, (3) людям на местах (в осажденном Алеппо). Сектора, на которые выделялись средства и усилия, включают пищевую безопасность и сельское хозяйство, здравоохранение, питание, воду, санитарии и гигиену, образование, кров и т.д.

Международные силы подключились к реализации планов и программ по реабилитации населения. Координировали и руководили

этим программами крупнейшие международные организации – ООН и ее отделения (ЮНЕСКО, Агентство Мировая продовольственная программа). Среди таких программ План гуманитарного реагирования, Гуманитарная стратегия ЮНИСЕФ, Мировая продовольственная программа для Сирии²¹. По каждой из этих программ организации регулярно отчитываются о выделенных средствах, количестве получивших помощь людей, но фактически работа ведется именно с беженцами, а не с оставшимся в городе населением²². Эти организации были в силах лишь фиксировать трудности, с которым сталкивается население в осажденном городе: серьезные нарушения прав детей, включая убийства и увечья, нападения на школы и больницы, сексуальное насилие, похищения и вербовка, использование детей, ограниченный доступ населения к основным товарам, таким как продовольствие, чистая вода (из-за повреждения водонасосной станции), средства гигиены, здравоохранение (из-за нехватки медикаментов и разрушения больниц) и образование.

ЕС называет себя лидирующим донором: более 9,4 млрд евро из общего бюджета мобилизовано Комиссией и Государствами-членами на гуманитарную помощь, развитие, экономическую помощь и стабилизацию. ЕС поддерживает инициативы по защите беженцев в Иордании, Ливане, Египте и Турции. Эти страны, в свою очередь, включились в реализацию Плана гуманитарного реагирования.

Гуманитарная помощь США реализуется в поддержке деятельности ООН и других международных и неправительственных организаций, действующих во всем мире. В 2017 г. США выделяет 8 млрд долларов на нужды Сирии и региона, которые были отмечены в призыве ООН в 2017 г. Часть финансовых средств пойдет непосредственно на реализацию идей ООН, часть – на нужды международных и неправительственных организаций, работающих с населением Сирии. К сожалению, по откры-

²¹Syria. Four years of struggle and hope. 30.03.2015. URL: <http://panorama.wfp.org/syria> (дата обращения: 17.07.2017).

²²Syria Crisis October 2016 Humanitarian Results. URL: http://childrenofsyria.info/wp-content/uploads/2016/11/UNICEF-Syria-Crisis-Situation-Report_October-2016.pdf (дата обращения: 17.07.2017).

тым источникам нет возможности судить о реальной поддержке населения внутри города, информации о том какая доля этой помощи доходит до пострадавших недостаточно.

Российский ответ на катастрофу состоит в участии в организации и доставке гуманитарных конвоев, оказании медицинской помощи. В Алеппо развернуты госпитали Минобороны РФ²³, в которых работают российские военные врачи (Российский Медицинский отряд специального назначения)²⁴, они проводят консультации и выдают медикаменты²⁵, в которых испытывается дефицит. Координацию доставки гуманитарной помощи жителями Сирии, Алеппо в частности, осуществляет Центр по примирению враждующих сторон на территории Сирийской Арабской Республики²⁶. Кроме того, в Сирии работают российские неправительственные организации: Русская гуманитарная миссия, благотворительный фонд Доктора Лизы «Справедливая помощь».

Самая трудная ситуация складывалась в районах осажденного города, так как в условиях блокировки въезда гуманитарных конвоев крупные благотворительные организации не всегда получали доступ к разным районам Алеппо. Оказание помощи усложнялось и тем, что СМИ постоянно транслировали противоречивую информацию о положении дел в городе, и до конца нельзя было быть уверенными в том, что происходило на самом деле. На этом фоне вспыхивали жаркие дипломатические конфликты. Организация гуманитарных конвоев для мирных жителей, со слов российских дипломатов, требовала колоссальных усилий с их стороны и со стороны российских военных, поскольку они подвергались

беспрецедентному давлению со стороны ООН²⁷.

6. Информационная составляющая критической ситуации.

Западные СМИ активно включены в процесс оказания гуманитарной помощи сирийскому населению посредством информирования о точках сбора ресурсов (фондах и благотворительных организациях) и других способах поддержки, таких как профессиональные онлайн-консультации сирийских медиков на местах, бесплатные переводы документов для международных общественных организаций, участие в демонстрациях,

Итак, большинство из поддерживаемых западными СМИ организаций, помогают именно беженцам, бегущим из Алеппо. Лишь малая часть из этих организаций имеет доступ непосредственно к Алеппо, и заключается он в отправке пакетов с предметами первой необходимости или лекарств. Но вновь мы видим, что большая часть этой помощи направлена именно на поддержку беженцев, а не на решение вопросов жизнеобеспечения, оставшихся в городе. Кроме того, на площадке СМИ разыгрывается настоящая информационная война.

В феврале 2017 г. в США был опубликован доклад Атлантического совета «Разрушение Алеппо», в котором эксперты Совета обвиняют режим Башара Асада, Иран и Россию в окончательном разрушении Алеппо в декабре 2016 г. после 5 лет жестких боев, бомбардировок и осады²⁸. В докладе говорится, что победа над оппозицией и вытеснение значительной части населения из города стали

²³Помощь российских военных медиков получили 17 тысяч сирийцев в Алеппо 26.04.2017. URL: <https://rg.ru/2017/04/26/pomoshch-rossijskih-voennyh-medikov-poluchili-17-tysjach-sirijcev-v-aleppo.html> (дата обращения: 17.07.2017).

²⁴В Алеппо российские врачи принимают до 200 пациентов в сутки. 03.05.2017. URL: ria.ru/syria/20170503/1493543820.html (дата обращения: 17.07.2017).

²⁵Российские военные медики помогают жителям восточного Алеппо в полевом госпитале, 17.02.2017. URL: <http://tass.ru/armiya-i-opk/4031136> (дата обращения: 17.07.2017).

²⁶Российские военные доставили 12 тонн гумпомощи в провинции Алеппо и Дерья. 01.04.2017. URL: <https://ria.ru/syria/20170401/1491251348.html> (дата обращения: 17.07.2017).

²⁷Российский дипломат описала в книге историю освобождения Алеппо. 13.06.2017. URL: <https://ria.ru/syria/20170613/1496366014.html> (дата обращения: 17.07.2017).

²⁸Breaking Aleppo. Atlantic council. February 2017. URL: <http://www.publications.atlanticcouncil.org/breakingaleppo/wp-content/uploads/2017/02/BreakingAleppo.pdf> (дата обращения: 17.07.2017).

критическим поворотным пунктом в сирийской гражданской войне и изменили баланс сил между США, их местными союзниками и противниками в Сирии. Режим Асада, российские чиновники и СМИ обвиняются также в разворачивании кампании по распространению дезинформации о ситуации в Сирии, что свидетельствует о наступлении эры «пост-правды» в международных отношениях.

Западные гражданские силы обвиняют Россию в поддержке войск Асада, блокирующих доступ помощи мирному населению. Минобороны РФ в свою очередь считает, что подвергается информационным атакам. Западная общественность подписывает петиции за ужесточение санкций против России, отдельные НКО, такие как «Сирийско-американское медицинское общество» обвиняют Россию в гибели мирных сирийцев в результате воздушных ударов российских самолетов по госпиталям в Сирии (Breaking Aleppo, 2017: 22-30), а представители Минобороны РФ разоблачают эту организацию, отмечая, что «к медицине, как и врачам, данная организация, зарегистрированная в американском штате Иллинойс, имеет отношение не больше, чем запрещенная в России террористическая организация “Исламское государство” к международному скаутскому движению»²⁹. В Минобороны считают, что с момента создания в 2012 г. эта организация использовалась, прежде всего, для публикации «свидетельств» о якобы применении против сирийской оппозиции химического оружия.

В итоге избыток разнонаправленной информации не дает представления о реальном положении дел в осажденном городе. В ответ на массированную информационную атаку запада и международных организаций, в 2017 г. постоянный представитель России при ООН, М. С. Ходынская-Голенищева выпустила монографию о ситуации в Алеппо и дипломатических играх, ведущихся вокруг осажденного города (Ходынская-Голенищева, 2017), в которой подробно описаны действия отдельных

политических игроков, влияющие на ситуацию на местах.

Заключение (Conclusions). Внутренний экологический кризис в Алеппо был спровоцирован некорректной государственной и инженерной программой жизнеобеспечения воды для населения в рамках определяющего для экономики страны сельского хозяйства, в тяжелые условия оказалась поставлена «несущая способность среды», что повело за собой массовую миграцию в города, недовольство политикой развития, на что накладываются межэтнические рассогласования интересов внутри Сирии, и с внешней стороны – атаки внешних групп и интересов ИГИЛ, нацеленных на нефтяные ресурсы. Было использовано запрещенное химическое оружие, что волекло за собой новые экологические последствия. Появились новые потоки военных отходов, подрвав нормальный метаболизм города. Урон был нанесен генофонду популяции, снизил количество пригодных для земледелия территорий вдвое, способствовал локальному и макро-изменению климата, утрате экосистемных услуг.

Во время критической ситуации, подобной той, что сложилась в 2016 г. в Алеппо играют важную роль в способности выживания города:

- несущая способность критического города, то есть изначальное качество и ресурсы окружающей среды, социальный, экономический, инфраструктурный, энергетический капитал. Важно качество продуктов, наличие медикаментов и человеческого ресурса, способного это обеспечить; важны запасы установленных и доступных энергетических мощностей, которые способны работать в усиленном режиме больше всего в критической ситуации страдает социальный капитал, так как эта ситуация служит точкой бифуркации для выявления аномальных групп, провоцируя новый уровень разобщенности, напряжения и т. д.;

²⁹Минобороны РФ: Врачей «Сирийско-американского медицинского общества» ищите в Иллинойсе. 26.10.2015. URL:

<http://www.kp.ru/daily/26450.5/3320718/>

(дата

обращения: 17.07.2017).

- гибкость инфраструктуры города, связность и коммуникационная доступность стратегически важных для выживания граждан объектов;

- специфика промышленной и технической направленности города;

- системная согласованность питающих элементов города.

Подводя итог, можно сказать, что религиозный фактор играет в этом конфликте инструментальную роль, то есть, является инструментом разжигания вражды для достижения политических целей, как внутри страны, так и при участии внешних сил. На протяжении военных действий, этно-религиозный аспект действий террористов оставался неизменным: они воюют против всех, кто не поддерживает их религиозные убеждения или воюют по контракту за вознаграждение. У жителей осажденного Алеппо этно-религиозные различия по мере углубления критической ситуации отходит на второй план. Население Алеппо массово поддерживает борьбу правительственных сил с террористическими группировками, независимо от конфессии и этнической принадлежности.

Военный конфликт перерос из категории внутреннего кризиса в арену противостояния внешних сил, отразив тем самым тенденции современности, связанные с появлением новых центров влияния и нынешним этапом развития международных отношений [Ходынская-Голенищева 2016]. В мировую политику вошли новые негосударственные игроки, в том числе различные фонды и неправительственные организации, имеющие конкретные идеологические установки на поддержание отдельных стран и коалиций, не говоря уже о появлении новых форм террористических организаций, которые также становятся участниками политических процессов. Помимо традиционных военных технологий, в процессе разворачивания конфликта нового типа используется большой арсенал отработанных ранее информационно-коммуникационных технологий, с подключением негосударственных акторов (СМИ, неправительственных международных организаций и проч.).

Список литературы

1. Антонов В. А., Ажгиревич А. И., Бадтиев Ю. С., Власов А. И., Грачев В. А., Гутенев В. В. Экология. Военная экология / под общ. ред. В. И. Исакова. М.; Смоленск: ИД Камертон: Маджента, 2006. 723 с.
2. Багдасаров С. А. Ближний Восток: вечный конфликт. М.: «Э», 2016.
3. Молхем А. Этно-религиозные аспекты сирийского конфликта // Центр стратегической конъюнктуры. 2017. 29 май. URL: <http://conjuncture.ru/molhem-29-05-2017/> (дата обращения: 17.07.2017).
4. Никишин А. Война в Сирии: причина в воде? URL: <http://allpravda.info/gubyat-lyudey-ne-bomby-gubit-lyudey-voda-9651.html> (дата обращения: 17.07.2017).
5. Тамри А. Настоящая причина войны в Сирии. 2015. URL: <http://worldcrisis.ru/crisis/2141056> (дата обращения: 17.07.2017).
6. Ходынская-Голенищева М. С. Подсчет жертв сирийского кризиса: «Неопровержимые данные ООН», или манипуляции статистикой погибших // *Вестник Северного (Арктического) Федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*. 2016. №1. С. 58-65.
7. Яницкий О. Н. Современные войны: взгляд социолога. // *Социологические исследования*. 2015. №5. С. 156-164.
8. Яницкий О. Н. Качественная модель осажденного города: случай Алеппо (Сирия) // *Социологическая наука и соц. практика*. 2017. №1. С. 129-144.
9. Bauman Z. *Globalisation: Human Consequences*. Cambridge: Polity. 1998.
10. Bauman Z. Wars of the Globalisation Era // *European Journal of Social Theory*. 2001. Vol. 4. Is. 1. Pp. 11-28.
11. Bauman Z. Reconnaissance Wars of the Planetary Frontierland // *Theory, Culture and Society*. 2002. Vol. 19. Is. 4. Pp. 81-90.
12. Eckhardt W. *Civilizations, Empires and Wars: A Quantitative History of War*. Jefferson NC: McFarland. 1992.
13. Fearon J. Rationalist Explanations for War // *International Organisation*. 1995. Vol. 49. Is. 3. Pp. 379-414.
14. Fox J. The ethnic-religious nexus: The impact of religion on ethnic conflict // *Civil Wars*, 2000. Vol. 3. Is. 3, Pp. 1-22.
15. Fox J. *Religion Civilization and Civil War since 1945: The Empirical Study*. Lanham, MD: Lexington Books, 2004.

16. Fox J. *Ethnoreligious Conflict in the Late Twentieth Century: A General Theory*. Lanham, MD: Lexington, 2002.

17. Kaldor M. *New and Old Wars: Organised Violence in a Global Era*. Cambridge: Polity Press, 2001.

18. Kaldor M. *Oil and Conflict: The Case of Nagorno Karabakh* / in: T. Karl Kaldor and Y. Said (eds.). *Oil Wars*. M. London: Pluto, 2007. Pp. 157-183.

19. Kalyvas S. *The Logic of Violence in Civil War*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

20. Laitin D. *Nations, States, and Violence*. Oxford: Oxford University Press, 2007.

21. Malešević S. *The Sociology of War and Violence*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.

22. Malešević S. *Sociological Theory and Warfare*. 2011. URL: <https://www.fhs.se/documents/externwebben/om-fhs/organisation/ilm/sociologi%20och%20ledarskap/dokument/sociological%20theory%20and%20warfare.pdf> (дата обращения: 17.07.2017).

23. Mann M. *States, War and Capitalism: Studies in Political Sociology*. Oxford: Blackwell, 1988.

24. Mann M. *The Sources of Social Power II: The Rise of Classes and Nation-States*. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. Pp. 1760-1914.

25. Mann M. *Has Globalisation ended the rise and rise of nation-state?* // *Review of International Political Economy*, 1997. Vol. 4. Is. 3. 472-496.

26. Sassen S. *Territory, Authority, Rights: From Medieval to Global Assemblages*. Princeton: Princeton University Press, 2006.

27. Wimmer A., Min B. *From empire to nation-states. Explaining wars in the modern world* // *American Sociological Review*, 2006. Vol. 71. Is. 6. Pp. 867-897.

28. Wimmer A., Min B. *The Location and Purpose of Wars Around the World: A New Global Dataset, 1816-2001* // *International Interactions*, 2009. Vol. 35. Is. 4. Pp. 390-417.

29. Winter J. *Sites of Memory, Sites of Mourning: the Great War in European Cultural History*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.

30. Wintrobe R. *Rational Extremism*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

31. Yanitsky O. N. *Sociology of Critical Areas* // *Open Journal of Social Science Research*, 2014, Vol. 2. Is. 3. Pp. 112-118.

References

1. Antonov, V. A., Azhgirevich, A. I., Badtiyev, Yu. S., Vlasov, A. I., Grachev, V. A. and Gutenev, V. V. (2006), *Ekologiya. Voyennaya ekologiya: uchebnik dlya vuzov Ministerstva oborony RF po tekhnicheskim i ekologicheskim spetsial'nostyam* [Ecology. Military ecology: a textbook for high

schools of the Ministry of Defense of the Russian Federation for technical and environmental specialties], Ministerstvo oborony Rossiyskoy Federatsii; in V. I. Isakova (ed.), ID Kamerton, Madzhenta, Moscow, Smolensk, Russia. (*in Russian*).

2. Bagdasarov, S. A. (2016), *Blizhniy Vostok: vechnyy konflikt* [Middle East: perpetual conflict], «Е», Moscow, Russia. (*in Russian*).

3. Molkhem, A. (2017), *Etno-religioznye aspekty siriyskogo konflikta. Tsentr strategicheskoy kon'yunktury* [Ethno-religious aspects of the Syrian conflict // Center for strategic conjuncture] [Online], available at: <http://conjuncture.ru/molhem-29-05-2017/> (Accessed July 17, 2017). (*in Russian*).

4. Nikishin, A. (2017), *Voyna v Sirii: prichina v vode?* [War in Syria: the cause in the water?] [Online], available at: <http://allpravda.info/gubyat-lyudey-ne-bomby-gubit-lyudey-voda-9651.html> (Accessed July 17, 2017). (*in Russian*).

5. Tamri, A. (2015), *Nastoyashchaya prichina voyny v Sirii* [The real reason for the war in Syria] [Online], available at: <http://worldcrisis.ru/crisis/2141056> (Accessed July 17, 2017). (*in Russian*).

6. Khodynskaya-Golenishcheva, M. S. (2016), "Counting the Victims of the Syrian Crisis: "Undeniable UN Data," or Manipulation of the Statistics of the Dead", *Bulletin of the Northern (Arctic), Federal University. Series: Humanities and Social Sciences*, (1), 58-65. (*in Russian*).

7. Yanitskiy, O. N. (2015), "Modern wars: the view of a sociologist. Sociological research", (5), 156-164. (*in Russian*).

8. Yanitskiy, O. N. (2017), "Qualitative model of the besieged city: the case of Aleppo (Syria)", *Sotsiologicheskaya nauka i sots. Praktika*, (1), 129-144. (*in Russian*).

9. Bauman, Z. (1998), *Globalisation: Human Consequences*, Polity, Cambridge, Ukraine.

10. Bauman, Z. (2001), "Wars of the Globalisation Era", *European Journal of Social Theory*, 4 (1), 11-28.

11. Bauman, Z. (2002), "Reconnaissance Wars of the Planetary Frontierland", *Theory, Culture and Society*, 19 (4), 81-90.

12. Eckhardt, W. (1992), *Civilizations, Empires and Wars: A Quantitative History of War*, Jefferson NC, McFarland.

13. Fearon, J. (1995). "Rationalist Explanations for War", *International Organisation*, 49 (3), 379-414.

14. Fox, J. (2000), "The ethnic-religious nexus: The impact of religion on ethnic conflict", *Civil Wars*, 3 (3), 1-22.
15. Fox, J. (2004), *Religion, Civilization and Civil War since 1945: The Empirical Study*, MD: Lexington Books, Lanham, USA.
16. Fox, J. (2002), *Ethnoreligious Conflict in the Late Twentieth Century: A General Theory*, MD, Lexington, Lanham, USA.
17. Kaldor, M. (2001), *New and Old Wars: Organised Violence in a Global Era*, Polity Press, Cambridge, Ukraine.
18. Kaldor, M. (2007), *Oil and Conflict: the Case of Nagorno Karabakh*, in: T. K. Kaldor and Y. Said (ed.), *Oil Wars*, Pluto, London, Ukraine. 157-183.
19. Kalyvas, S. (2006). *The Logic of Violence in Civil War*, Cambridge University Press, Cambridge, Ukraine.
20. Laitin, D. (2007). *Nations, States, and Violence*, Oxford University Press, Oxford, Ukraine.
21. Malesevic, S. (2010), *The Sociology of War and Violence*, Cambridge University Press, Cambridge, Ukraine.
22. Malesevic, S. (2011), *Sociological Theory and Warfare* [Online], available at: <https://www.fhs.se/documents/externwebben/om-fhs/organisation/ilm/sociologi%20och%20ledarskap/dokument/sociological%20theory%20and%20warfare.pdf> (Accessed July 17, 2017).
23. Mann, M. (1988), *States, War and Capitalism: Studies in Political Sociology*, Blackwell, Oxford, Ukraine.
24. Mann, M. (1993), *The Sources of Social Power II: The Rise of Classes and Nation-States*, Cambridge University Press, Cambridge, UK, 1760-1914.
25. Mann, M. (1997), "Has Globalisation ended the rise and rise of nation-state?", *Review of International Political Economy*, 4 (3), 472-496.
26. Sassen, S. (2006), *Territory, Authority, Rights: From Medieval to Global Assemblages*, Princeton University Press, Princeton, USA.
27. Wimmer, A. and Min, B. (2006), "From empire to nation-states. Explaining wars in the modern world", *American Sociological Review*, 71 (6), 867-897.
28. Wimmer, A., Min, B. (2009), "The Location and Purpose of Wars Around the World: A New Global Dataset, 1816-2001", *International Interactions*, 35 (4), 390-417.
29. Winter, J. (1995), *Sites of Memory, Sites of Mourning: the Great War in European Cultural History*, Cambridge University Press, Cambridge, Ukraine.
30. Wintrobe, R. (2006), *Rational Extremism*, Cambridge University Press Cambridge, Ukraine.
31. Yanitsky, O. N. (2014), "Sociology of Critical Areas", *Open Journal of Social Science Research*, 2 (3), 112-118.
- Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.**
Conflicts of Interest: The authors have no conflict of interest to declare.
- Мастикова Наталья Сергеевна**, кандидат социологических наук, научный сотрудник, Института социологии РАН.
- Усачева Ольга Александровна**, кандидат социологических наук, научный сотрудник, Института социологии РАН.
- Ермолаева Юлия Вячеславовна**, младший научный сотрудник Института социологии РАН.
- Natalia S. Mastikova**, Candidate of Sociological Sciences, Research Associate, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences.
- Olga A. Usacheva**, Candidate of Sociological Sciences, Research Associate, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences.
- Yulia V. Ermolaeva**, Junior Researcher, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences.